

всём тихоокеанском побережье, и на русском Дальнем Востоке, в частности. А это означает необходимость отодвинуть американское присутствие как можно дальше от нас, с глаз долой.

ЯПОНИЯ ИЛИ КИТАЙ?
ЯПОНИЯ И КИТАЙ!

Евразийский геополитический императив заключается в освобождении Дальнего Востока от американских военных баз. В первую очередь это касается Японии — подавленной и униженной варварскими ядерными бомбардировками. Вот так Запад про-

виду Китай на коротком американском поводке. Шаг вправо, шаг влево — и конец вашей экономике, ухмыляется дядя Сэм.

НОВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Евразийская стратегия России на Дальнем Востоке — это восстановление отношений с Северной Кореей, которой уже так привычно путают нас либералы. Это островок русского сталинизма, который мы создали, но потом, по немощи своей, бросили, оставив в качестве застывшего музея эпохи великого

стараниями никак не может быть уврачёван, десятилетиями представляя собой незаживающую кровотокающую рану. Оккупированная, с момента заморозки Корейской войны по сей день, Южная Корея, и помыслить не может о самостоятельной политике, а тем более — о примирении с Севером, пока тот не сдастся на милость американцам. Но КНДР не сдаётся, ибо корейцы, как и русские, не сдаются, до конца отстаивая свой суверенитет, а значит — Корея не будет единой, до тех пор, пока вслед за Японией (а может — и раньше) не восстановит против американского военного гнёта, не отправив американские военные базы туда же — в океан.

В этом японском, китайском и корейском освобождении и заключается полноценное развёртывание евразийского проекта на Дальнем Востоке в целом, и в Корее в частности, — освобождение от навязчивой опеки США с последующим объединением двух Корей ради общего развития в рамках единого государства одного народа. Под ядерные гарантии прикрытия со стороны России. Только тогда наш — России, Японии, Китая и Кореи, — Океан,

Индия также не контролирует свой океан. Евразийская стратегия в Индии — это совместное, российско-индийское присутствие в Индийском океане, где так же, как и в Тихом океане, сейчас безраздельно хозяйничает американский Седьмой флот, монопольно и единолично определяя судьбу всех государств региона, не считаясь с их интересами и видя там только свои.

Российско-индийская военно-морская база, с центром на острове Диего-Гарсия (откуда давно пора убраться англичанам и их союзникам американцам), — вот евразийская стратегия для Индии, и она будет реализована в виде полноценной, а не усечённой, существующей пока лишь в экономическом формате геополитической оси Москва—Дели.

Евразийская стратегия на Дальнем Востоке — это возвращение во Вьетнам и полноценное восстановление там ранее свёрнутой российской базы Камрань. Которую мы закрыли, рассчитывая на ответные миролюбивые шаги со стороны США. Прошло двадцать лет. Не дождался, а значит — базу Камрань пора вновь открывать: не только для стоянки и ремонта военных кораблей, но для полноцен-

ЕВРАЗИЙСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Не следует забывать и о внутренних проявлениях реализации дальневосточной евразийской стратегии. Русский Дальний Восток — это островок евразийской цивилизации в окружении азиатских народов, это способность оставаться русскими там, где над нами нависает инокультурное большинство совершенно далёких от нас цивилизаций. Сохраниться, остаться русскими и взять лучшее от культур соседних народов — в этом наше преимущество, в этом суть русского евразийства, в этом яркое проявление евразийского цивилизационного синтеза. А значит, этот островок необходимо не только сохранить, но и превратить в полноценное русское море, поставив вопрос демографии Дальнего Востока на первое место.

Русский Дальний Восток должен быть подлинно русским, а не китайским, не заселённым искусственно гастарбайтерами из Средней Азии или из Кавказа. Русская культура — это необходимый и самый важный компонент нашего присутствия на Дальнем Востоке. Без русской культурной экспансии, без полноценной цивилизационной представленности мы не сохраним Дальний Восток. Отсюда — крайне-не внимательное отношение не только к вопросам демографии как главного нашего приоритета, но и к вопросам миграции, особенно из соседнего, дружественного нам Китая.

Евразийский подход — в сохранении, а не в размывании идентичности. А значит, Китай — для китайцев, Дальний же Восток — для русских и других традиционных народов российского Дальнего Востока. Граница с Китаем поэтому должна быть полупрозрачной, строгой и внимательной — если только это евразийская граница, а не административная линия для эксплуатации в целях наживы. Китай, безусловно, имеет право на экспансию, но евразийский, дружественный нам Китай будет осуществлять эту экспансию на Юг. Таков закон евразийства.

Евразийская Россия — это единая держава, объединяющая в себе множество этно-культурных единиц: языков, народов, верований и религий, — но без смешения и размывтия, без дробления и перемешивания в плавильном котле на западный манер. Евразийская держава — это не нация и не либеральная постчеловеческая помойка. Евразийская Россия — это империя народов, сохранившихся в своей коллективной идентичности, но представляющих всю полноту нашего, евразийского цивилизационного многообразия, в центре которого находится большой русский народ — собиратель земель и строитель бескрайнего, континентального евразийского государства, ковчег спасения для всего этого многообразия народов.

Первенство русских не означает их нахождения на вершине иерархии народов, как это принято понимать на Западе, как это навязывается нашим народам западными нащёптывателями, настраивающими их против русских, обвиняющими русских в своих же собственных, западных грехах: колониализме, эксплуатации и насилии над другими народами. Никогда русские себе такого не позволяли и не позволяют, ибо Русская Мечта заключается в справедливом единстве. Русское же первенство — не что иное, как первенство самой высокой ответственности за тех, кого мы спасаем в своей континентальной Империи от размывания, от эксплуатации и от "оцивилизовывания" со стороны того самого Запада. Жизнь без Запада в гармонии, в общем развитии и взаимном познании — в этом и заключается Русская, Евразийская Мечта о будущем.

СОБОЙ

СОЗНАНИЯ

двигает свои ценности — на крыльях стратегических бомбардировщиков, несущих радиоактивную смерть сотням тысяч мирных жителей. Вот так Запад закрепляется на захваченном плацдарме: расставляя свои военные базы — неподсудные, диктующие свою волю, продолжающие насильовать Японию военным образом, но также экономически, культурно, жёстко навязывая свои суррогаты.

Восточный евразийский вектор России подразумевает прямой и открытый диалог с Японией. Но не о каких-то там островах, называемых в Японии "северными территориями", — это ложный объект, на который переключают наше внимание нынешние американские хозяева когда-то великого японского народа. Пока Вашингтон нащёптывает японским властям о том, что русские забрали у них четыре камня, сама Америка забрала у японцев всю Японию. Диалог между Москвой и Токио надо вести об освобождении всей Японии — о восстании против американской оккупации, о сбрасывании американских военных баз в океан, и о выстраивании новой евразийской геополитической Оси Москва—Токио.

Одновременно евразийский геополитический вектор России должен развернуться в сторону Китая. И опять — эти западные стратеги, горящий в аду Бжезинский и иже с ним, — доказывали, что невозможно, мол, иметь одинаково развитые, сбалансированные стратегические отношения и с Японией, и с Китаем одновременно. Невозможно только потому, что США всегда играют на противоречиях, противопоставляя, ставливая Японию с Китаем, Японию с Россией, Россию с Китаем, — и получая, в итоге, всё себе.

Евразийская геополитика снимает это ложное противостояние, открывая возможность выстраивания оси Москва—Пекин. Но здесь речь должна идти уже о другом. Если Япония тяготится американским военным присутствием, то суверенный Китай, обладающий ядерной триадой сдерживания любого американского военного посягательства, тяготится американским финансово-экономическим гнётом. Сырьевая удавка, наброшенная США, которые стараются контролировать все сырьевые потоки мира, долларовые взаиморасчёты, бесконечные, триллионные займы американских государственных облигаций, подаваемых как великое благо, а в дополнение — заградительные пошлины и торговые войны, — всё это держит великий с

«Ангел последний» (фрагмент, 1912). Художник Николай РЕРИХ

талинского эксперимента. Но это ещё и трудолюбивый народ, и мощный экономический потенциал, и выход в Восточно-Китайское море, за который уже сразились наши лётчики и военные инструкторы. Всё это надо восстановить в нашем общем, новом евразийском проекте.

Но и здесь мы обнаруживаем искусственно созданный американцами конфликт, который их

возмущённый американским присутствием, вновь станет Тихим и безопасным.

ВЕРНУТЬ ОКЕАН

Индии не хватает нашего военного потенциала: нашего оружия и систем ПВО. Но самое главное —

ного, сдерживающего США военного присутствия. Как с теми же целями пора вновь открыть и сам Вьетнам — в качестве военно-стратегического, а не только лишь торгового партнёра, с обеспечением его безопасности, с прикрытием нашим ядерным зонтиком от любого повторного покуительства со стороны назойливых и вездесущих янки. То же можно сказать и про Лаос.

И Дрыщух прохрипел —
"Я тебе никогда не прощу,
Если ты про меня сей же час
не напишешь свой эрёбанный рэп!"
Что было дальше догадаться не трудно,
Дрыщ очнулся, потный от ужаса,

со своими павами,
И заходила ходоном Ловозийская тундра,
И Сейдозеро забродило
клубами кровавыми,
Дрыщ затараторил про ту историю
и про ту страну,
Про те времена, те места
и про их обитателей,
Когда верили в идею великую
только одну, хоть и шли ко дну,

Родина смогла им дать немало,
Им друзей такой же не найти.
И вот им, счастливцам, предстояло
Стать легендой "Северморпути".

16
Он стоял, словно дом на пригорке,
Колобродил полярный Эол,
Алексей Максимович Горький! —
Ледокол.
Есть у мифа особенный признак:
Перед — слаб, зато — крепко тыл.
Был ли это фантом или призрак,
Но он был.
Собираясь пройти по этапу,
Невзирая на срач и скулёж,

Как, на молящегося в храме, образа,
Полны надмирной скорби и укора,
Смотрели прямо в душу ей глаза.
И чей-то голос, вкрадчивый до дрожи,
Под перебор почти неслыханных струн,
Ей что-то пел, и шёл озноб по коже,
Как-будто пела птица Гамаюн:
"Когда Земля вращается по кругу,
Ориентир теряют моряки,
Теплее к северу и холоднее к югу
Становится, законом вопреки.
Со всех сторон окружена стеною
Из вечных льдов, внутри себя, она
Действительностью явится иною
Для тех, кто ошутит её сполна.
Ни колобком, ни шариком, ни шаром,
А плоской, как Всевышнего ладонь,
В которой центр обладает даром,
В которой он — то холод, то огонь.
И потому идём по воле Бога,
И потому мы живём до сих пор,
Что мною обозначена дорога,
Я — ваш ведун Горьбынин Христофор".

19
На корабле все сообщила
Под вечер слушали Дрыща.
"Вот мы тут — арктический десант
и ядерная группа,

А климат меняется, и Арктика тает тупо.
Мы топим за неё и стремимся быть в ТОПе,
А она конкретно нас самих всех потопит.
Так что нужно будет
с скоро из неё делать купальню
И высаживать по берегам кактус и пальму.

Профессор сказал,
Если я на арктическом шельфе
спляшу чечётку.
И надо всем задуматься,
как гиперборейцы нас примут,
Когда у плоской Земли
поменяются ось и климат.
Ведь она стоит на осмидесяти рыбах
да на трёх китах здоровенных,
И мы помним, что крох ариев
течёт в наших атлчных венах.
А в мозгах у всех
глобальное потепление
Обнажает аlobalное отупление,
Обнажает тщету земных радостей
до планетарного ядра,
Обнажает гниль и пакость
человеческого нутра.

А первый кит —
Он, как есть, рахит,
У него, куда ни альян — голова,
которая всё время думает, а не болит,
А у второго кита —
в голове только цель для рта,
Основное — неизведанные
пространства ненасытного живота,
Ну, а третьему киту —
Пришандорено небо к хвосту,
Он махнёт им слева направо,
и все звёзды засияют на своём посту.
И я буду таким же,
когда до ариев достару!"

20
Тот выстрел в Соловах,
увы, не канул в лету,
И пуля, замерев, продолжила свой путь.
И Родина сама идёт под пулю эту,
И подставляет ей то голову, то грудь.
И поступь широка,
хоть жесты неумелы,
И не понять уже, где жертва, где палач,
И в пуле той сполна
скопились все расстрелы,
И злоба двух сторон,
и стон, и гнев, и плач.
Лесоповалов шрам, следы каменоломней,
Застенки рубчиков, проклятые лагерьи,
Смертельный в ней зарёй
всё более огромен.

Как от неё сберечь тебя, Гиперборей?
У кромки пользыны —
то айсберга, то торосы,
Здесь — ни предателя,
ни вражеских армад.
Когда же, наконец,
поймут великороссы,
Что талько изнутри
нас ждёт и рай, и ад?

21
Вновь Бокий с Когтевым
сошлись тут, как ни странно,
Опять их свёл арктический мираж,
Два правнука, два друга, два Ивана
Составили подводный экипаж.
Вот горизонт слегка перекосило,
Ослабил пути специальный кран,
Глубоководный аппарат "Россия"
Спустился с ледокола в океан.
Он шёл на дно в водоворотном шлейфе,
Стартом благословлял их матерком,
Им предстояло обнаружить в шельфе
Связь полюса с родным матерком.
Оставить там флашток или тесёмку,
Полонить картографию редут,
Ещё исполнить гидрофотосъёмку
И что-нибудь забрать. Если найдут.
Они отважны были и достойны
Бойцов невидимых фронтов

пополнить рать,
Ведь в Арктике развёртывались войны
За право на неё претендовать.
За дном морским,
с дотошностью хозяев
Они следили из подводной тьмы,
Но что откроют льды, вконец растаяв,
Не знали даже лучшие умы...

22
Подписывайтесь! Я — Груня
(латинскими буквами) точка г.
Я, может, чего не знаю, но никогда не вру.
Я ищущ позитив,
а не копаюсь в чужом вонючем говне,
Если хотите всю правду, это ко мне,
Смотрите меня во всех сетях,
в Инстаграме, Ютубе,
а если сумеете, то и во сне.
Наши сейчас под водой
перевыполняют норму,
Тщательно ощупывают
и сканируют здоровущий хребет,
Который пересекает
материковую платформу
И ведёт от северного полюса
через Россию в Тибет.

Это означает, что славяне прошли
этот славный путь, положили начало
Всей земной цивилизации, и ещё положили
Всех врагов и на всех с прибором.
И сила крепчала
У тех, кто, после этих войн
и скитаний, остался жив.
Мы придумали всё:
от Арктики до Антарктиды,
МахабхаАрата — это созданный нами
древний такой Викиликс.
Наши стоунхенджи, дольмены и пирамиды
Заработали космически,
когда наступит час икс.
Ну, а тем, кто шлёт мне гадости
в разном виде,
И берётся меня и мою страну
всячески оскорблять,

Я скажу дипломатично,
как любят в российском МИДе:
"Не умеете петь,
так не пейте, дебилы, Ё!"

23
Ледокол заскрежетал,
бзяря Арктику на таран,
Компьютер вдруг заудел, и вскоре
Всему цветам радуи
стал переливаться экран,
Будто полярное сияние
загретпало на мониторе.
И снова в зрачки Груни
установились те глаза,
Что проливали ей свет
из ледяного простора:
"Ты можешь, конечно,
и дальше нести свою чушь, егеза,
Но лучше посты постылуяй все
старика-ведуня Христофора".
Груня захотела нажать "enter"
или отключить сеть,
Но застыла, как вкопанная,
не в силах пошевелиться.
"Вам всем ещё предстоит
промежду небом и землёй повисеть
И увидеть гиперборейцев
оживающих лица.

Ведь самая главная
на всём белом свете мощь,
Которая сдвигает пространство
и время, матерки и страны,

Это та, что хранит в себе
окаменевший арктический хвощ,
А владыку его посвященные ведуньи,
жрецы и шаманы.
Мы всё можем, когда очень и очень хотим.
Меня пытались убить,
но для таких, как я, смерти нету.
Так что, запомни сама
и передай по цепочке другим:
Мы посланы сюда для того,
чтобы вдохнуть новую жизнь в планету!"

24
"Смотри, Иван, — сказал Иван Ивану, —
Пещера. И какой-то ящик в ней.
Давай-ка шуток я его достаю,
А ты травя ледёчку подлинней.
Что делать, капитан?!"
Грузить нам!?! Или...?!"

"Грузитесь!".
"Какой же он тяжёлый все же! Фак!".
И Бокий с Когтевым
с трудом в отсек втащили
Огромный почерневший саркофаг.
"Тора наверх!" Встал у штурвала Бокий.
Сигнал "всплывать" был с ледокола дан.
Вдруг — всё кануло!

Будто вздох глубокий
Из самых недр сделал океан.
Они и охнуть не успели толком.
Протечка — в рубке. В кубрике — пожар.
Потрило сразу. Холодом и током.
Удар! А вслед за ним — ещё удар!
То пули соловёцкой злая сила
Пробрела смертельный свой кулбит.
Глубоководный аппарат "Россия"
Было временем безжалостно подбит.
Там, в полынне, в объятьях океана,
Среди открытых им древних скреп,
Парши два безжизненных Ивана,
Потомки тех вершителей судеб.

25
Время жестоко, но праведно,
оно не считает утрат,
Таким же бесчужственным
холодом и океан осиял.
На верхнюю палубу "Горького"
был поднят со дна аппарат.
И вынесли из "России"
двух молодых россиян.

Следом — весь в знаках и символах,
загадочный саркофаг.
Неведомо чей и откуда,
и чьи-то незнамо где.
Команда ждёт капитана.
Все смолкли. Приспущен флаг.
Фуражки и бескозырки
лежат на каждом на локте.
Вот он выходит на палубу.
Весь в белом. Седя борода.
"Открыть саркофаг!". В саркофаге —
скелет человека с хвощом.
Тот хвощ — это жреческий посох.
Во лбу человека — звезда,
А сам он окутан исплтевшим,
но золочёным плащом.
Взял посох окаменевший
и молнии мечет взор:
"Отныне во веки вечные я сам —
ваш ведун и шаман!"
Дело моё — воскрешение!
Имя моё — Христофор!"

26
Последствия действий хвоща
Осмыслил посредством Дрыща.
Он за всем наблюдает, напрягая губки,
Из радиорубки:
"Началось!
Земля — плоская. Нарежем её полосками.
Мы держимся за неё своими присосками.
Надеждами и чаяниями —
за земную ось и авось.

Началось!
Потекло!
Глобус превращается в ребус,
Ребус превращается в опус.
Наши нужен эпос!
Нальётся, тогда залопнётся.
Христофор использует мощи
Для шаманской мощи.
Перед ним даже планета мочится
в штаны, как последнее сыкло.

Потекло!
Пекло!
Потекло!
Пекло!

Эскимос его материт,
Краска на ледоколе поблёкла,
Обнажён материк.
Такой-то океан бурлит, а по берегам
Появляются воскреающие
гиперборейцы то тут, то там.
Вон — Пушкин выходит из пены морской,
За ним — Гагарин, Чайковский,
Толстой и Крамской,
Галерея великих, герои войны
и труда, вся мозаика чукча.
И даже, не ведая стыда, гомосек-чукча.
Следом — все, полные мифологии,
славяне, скифы, индусы, арии
Покидают свои колуембарии.
И встают в полный рост.
И встают над нами святяый дух и прана,
Не брошенные в трудную минуту

свой пост,
Когтев с Бокием, два Ивана.
И подлетают к ним из небытия
их отцы и деды,

И, не веря своим глазам,
расчлсывают им их дреды,
И жрец восстаёт из саркофага,
и тоже направляется к ним,

И роняет слезу на усы,
просто вылитый Горький Максим.
А где-то там, на Соловах,
олимпий дождями кровавых рос,
Алатырь-валун замриоточил,
и ещё глубже в землю родную врос.
Арктика треснула
и полопал раскололась,
И зазвучал надо всем над этим
Христофора Горьбынина голос:
Во имя мира и славных дел
на Земле и её орбите —
Живите и процветайте,
здоровствуйте и живите!

И да славится наш народ,
расплывшийся из албун
божественного космического стреля,
И да наполняет нас зоркостью, силой
и радостным будущим наша парадница,
наша Арктида, наша Гиперборей!"

ЭПИЛОГ

Как только закончил камлание Дрыщ,
В ту же минуту,
Шныряющий всходу, загадочный прыщ
В Грунину влёрсся каюту.
— Ты видела?
— Кто вы?
— Сама прочитай.
Он сунул ей корочку.
— Но без засветки.
Ты тоже "открой своё личико мне,
Гульнатай!",

Мы ж оба с тобой из разведки.
— Старлей Иванова, товарищ майор.
— Слыхала всю эту муру?
— Так точно!
— Игру не пойму до сих пор.
Что скажешь, аеент ГэРэ? —
— Я в целом слегка изучила вопрос.
Случается чудно тут.
На севере есть необычный психоз,
Меряченьем это зовут.
Влияет на массы.
— Что ж это за зверь?
— Является чудо уму.
— Я это не верю. Но верь ли, не верь,
Давай-ка писать Самому.
Доложим ему, что плохую игру
Горьдын ведёт Христофор.
Он всех подсадил на виденый илгу.
— Диктуйте, товарищ майор.

Шифровка лезла Президенту на стол
На ней была приписка секретаря:
"Желательно без проволокчи".
Он начал читать, как всегда,
по диагонали, но когда прочел,
То снова и снова стал
читать и перечитывать
заваливе в душу строчки.
"Мы же не допускаем вечной молодости
и наличие некоего возрождающегося
Феникса".

Президент прислушался
к раздававшемуся, вдруг, за окном лаю,
Подвинул стоящий на краю бюстик
железного Феликса,
И, глядя в темноту,
пробормотал задумчиво под нос:
"Ну не знаю, не знаю..."